

ГЕННАДИЙ ШПАЛИКОВ

«МОЖЕТ, Я НЕ ДОЖИВУ...»

По справедливому
замечанию
Нatalьи Рязанцевой,
шестидесятые
придумал Шпаликов.
То есть мы видим их
такими, какими
их придумал он...

Дмитрий Быков

Людей теряют только раз,
И след, теряя, не находят,
А человек гостит у вас,
Прощается и в ночь уходит...

Азбука-поэзия

Геннадий Шпаликов

«Может, я не доживу...»

«Азбука-Аттикус»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5+44

Шпаликов Г. Ф.

«Может, я не доживу...» / Г. Ф. Шпаликов — «Азбука-Аттикус»,
2023 — (Азбука-поэзия)

ISBN 978-5-389-23139-9

Имя Геннадия Шпаликова, поэта, сценариста, неразрывно связано с «оттепелью», тем недолгим, но удивительно свежим дыханием свободы, которая так по-разному отозвалась в искусстве поколения шестидесятников. Стихи он писал всю жизнь, они входили в его сценарии, становились песнями. «Пароход белый-беленький» и песни из кинофильма «Я шагаю по Москве» распевала вся страна. В 1966 году Шпаликов по собственному сценарию снял фильм «Долгая счастливая жизнь», который получил Гран-при на Международном фестивале авторского кино в Бергамо, но в СССР остался незамеченным, как и многие его кинематографические работы. Ни долгой, ни счастливой жизни у Геннадия Шпаликова не получилось, но лучи «нежной безнадежности» и того удивительного ощущения счастья простых вещей по-прежнему светят нам в созданных им текстах. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-5+44

ISBN 978-5-389-23139-9

© Шпаликов Г. Ф., 2023
© Азбука-Аттикус, 2023

Содержание

«Попробую к вам дотянуться...»	7
Автобиография	14
Стихотворения разных лет	15
«По несчастью или к счастью...»	15
«Москва сортировала поезда...»	16
«Спой ты мне про войну...»	17
«Городок провинциальный...»	18
«Я жизнью своей рискую...»	19
«Не пойте песен про войну...»	20
Половина девятого	21
Обвинение дождю	22
Читая маяковского	23
«Так служим Отчизне...»	24
«Не смотри на будущее хмуро...»	25
Грустное	26
«Я тебя девчонкой...»	27
Редкое сновидение, или жалко, что не в жизни	28
Десять лет	30
Можайск	31
Переулок юности	32
Надоело!	33
«Я жил как жил...»	35
«Бывает все на свете хорошо...»	36
«Есть у раздражения...»	37
Батум	38
«У лошади была грудная жаба...»	39
«Мертвец играл на дудочке...»	40
«То ли страсти поутихли...»	41
«Я шагаю по Москве...»	42
«Сегодня пьем...»	43
«Разговор о чебуреках поведем...»	44
«Что за жизнь с пиротехником...»	45
Из послания П. Финну	46
Паше, в утешение	47
«Меня влекут, увы, не те слова...»	48
«Друг мой, я очень и очень болен...»	49
Квазимодо[12]	50
«Тишинский рынок, эх, Княжинский рынок...»	51
«Ударил ты меня крылом...»	52
Л. К.	53
Сентябрь	54
Палуба[13]	56
«Все лето плохая погода...»	57
«Обожал я снегопад...»	58
«Тебе со мною скучно...»	59
«На подоконнике жена...»	60

«Может, я не доживу...»	61
Стихи о выздоровлении	62
«Ах, утону я в Западной Двине...»	63
«Поэтам следует печаль...»	64
«Наташа, ты не наша...»	65
В Ленинграде	66
«Свадьбы, коим мы не судьи...»	67
«Все неслышней и все бестолковей...»	68
«От мороза проза...»	69
«Цветет себе, не опадая...»	70
«По белому снегу...»	71
«Самолеты как мороженые рыбы...»	73
Зима	74
В ту зиму	75
«В январе уже тепло...»	76
«Незаметен Новый год...»	77
«Справляли мы поминки...»	78
Снег в апреле	79
«В лето хорошо бы без билета...»	80
«Под ветром сосны хорошо шумят...»	81
«Понедельник, понедельник...»	82
Сон	83
Бессонница	84
«Не насовсем прощались...»	85
Песенка	86
«Моя веселость неуместна...»	87
Садовое кольцо	88
«Не принимай во мне участия...»	89
«В темноте кто-то ломом колотит...»	90
«Ах, улицы, единственный приют...»	91
«Я сетую. На что я сетую...»	92
«Ничего не получалось...»	93
«Чего ты снишься каждый день...»	94
«Людей теряют только раз...»	95
Стихи к 8 марта	96
«Стихи – какие там стихи...»	98
«За стеною, на баяне...»	99
Долги	100
Три посвящения Пушкину	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Геннадий Шпаликов

«Может, я не доживу...»

© Г. Ф. Шпаликов (наследники), 2023

© А. В. Кулагин, статья, 2018, 2021

© Д. А. Кустанович, картины, 2015

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

«Попробую к вам дотянуться...»

Литературное наследие Геннадия Шпаликова (1937–1974) разнообразно: стихи, сценарии, пьеса, проза, очерки, дневниковые записи. Но кажется, главной в его творчестве была лирическая нота. «Урожден поэтом», – сказала о Шпаликове дружившая с ним Белла Ахмадулина.

Сам поэт, наверное, очень удивился бы, если бы ему сказали, что когда-то будут издаваться книги его стихов. Многие его строки создают ощущение, что автор их к собственному лирическому творчеству относился не очень серьезно.

Вообще-то, с поэзией он дружил всегда. До нас дошли стихи, сочиненные мальчиком Геней, московским первокласником, в начале 1946 года. Понятно, что стихи – детские. Но и став юношей, поступив волей семейной традиции в Киевское суворовское училище (семья была военной: отец, инженер-подполковник Федор Григорьевич Шпаликов, погиб на фронте; дядя по материнской линии, Семен Никифорович Перевёрткин, был крупным военным, генералом; в Киеве же у них жили родственники, которые могли бы в случае чего за Геней присмотреть), он продолжал писать, даже опубликовал в год выпуска, в 1955-м, два стихотворения в украинской республиканской молодежной газете «Сталинское племя». Писал то в духе любимого им и многими юношами его поколения Маяковского (когда повзрослел, то Маяковского для него потеснил Пастернак), то нечто «среднелирическое» – например, такое: «Звон трамвая голосист и гулок, / Парк расцвечен точками огней, / Снова я пришел на переулок – / Переулок юности моей» (это как раз из напечатанного в «Сталинском племени»). Можно подумать, что написано зрелым человеком, у которого за плечами многие годы. А автору всего-то семнадцать. Нет, такие стихи заметной поэтической фигурой его бы не сделали. Хотя они неплохи для того времени уже самым отсутствием советского официоза, прославления «строительства коммунизма» и прочей идеологической шелухи.

После окончания Суворовского училища юноша вернулся в столицу и поступил было уже во «взрослое» училище – в Московское пехотное имени Верховного Совета РСФСР. Но проучился там всего полгода и был комиссован по состоянию здоровья: во время учений сильно повредил мениск. Нет худа без добра. Шпаликов все больше тяготится воинской службой, а притягивает его письменный стол. Он ведет дневник, некоторые страницы которого читаются как небольшие рассказы и очерки, задумывает повесть о суворовцах. Повесть не состоялась, но курсантские впечатления отразились в рассказе «Патруль 31 декабря». В 1956 году, колебавшись между Литературным институтом и ВГИКом, Гена выбирает ВГИК, сценарное отделение. Это тоже литературное творчество, но все же *другое*, лирического поэта как будто не предвещающее.

Однако Шпаликов оказался необычным сценаристом – сценаристом именно лирическим. На него очень сильно повлиял поэтический реализм в духе любимого им французского режиссера Жана Виго. Ленту Виго «Атланта» Шпаликов впервые увидел на учебном просмотре во ВГИКе и просто заболел этим фильмом. Такое же впечатление произвела на него короткометражка другого французского режиссера, Альбера Ламориса, «Красный шар». Эти фильмы были очень далеки от господствовавшего в советском кино соцреализма, с «идейно правильными» картинками и ходульными «положительными» героями. Сценарии, написанные Шпаликовым единолично или в соавторстве с режиссерами картин – «Застава Ильича» (1962; с Марленом Хуциевым), «Я шагаю по Москве» (1963), «Я родом из детства» (1966), «Долгая счастливая жизнь» (1966; этот фильм он и снял сам как режиссер – единственный в его творческой судьбе случай), «Ты и я» (1971; с Ларисой Шепитько), – именно поэтичны. В них, конечно, важен сюжет, но не менее важна и атмосфера. Скажем, Москва в советском «дошпаликовском» кино никогда не была такой уютной и «своей», не изображалась в манере, которую

можно назвать, по аналогии с известным направлением в живописи, импрессионистичной: «... по самой середине улицы шла девушка. Она шла босиком, размахивая туфлями, подставляя лицо дождю. Девушка, наверное, сразу так промокла, что ей было все равно – стоять где-нибудь в укрытии или топтать по лужам. Была она не то чтобы красивая, но когда человеку хорошо, это сразу видно. Такого человека нельзя не заметить. Ребята смотрели на девушку из подъезда...» («Я шагаю по Москве»). Это больше похоже на стихотворение в прозе, чем на текст сценария. Но это был сценарий; видеоряд же снятого режиссером Георгием Данелией фильма – одного из лучших в советском кинематографе вообще – этой манере соответствовал. Шпаликов выразил в своих сценариях первой половины шестидесятых дух Оттепели – ощущение молодости и свежести, открывшихся возможностей, когда кажется, что все мрачное осталось в опыте старших поколений. Официоз почувствовал эту свободную ноту и отреагировал резко: «Застава Ильича» подверглась резкой критике из уст самого Хрущева.

А что же стихи?

Они, на фоне сценариев (и, соответственно, фильмов), быстро сделавших молодому киносценарию имя, казались чем-то второстепенным, относящимся не к профессиональной, а к частной жизни их автора. Шпаликов и не пытался их опубликовать, прочесть со сцены, тем более что многие его стихотворения были шуточными, ироническими, и казалось, что они предназначены для дружеского круга, для молодежных посиделок, и не более того. Порой заметна недоработанность текста, в котором можно было бы еще выровнять ритм, подобрать более точное слово. Но автору это вроде бы и не нужно.

Между тем в его стихах идеологические и языковые клише советского времени *выщущивались вполне всерьез* (позволим себе такой оксюморон). Молодые люди «оттепельного» поколения оставались советскими людьми, но им уже открылись трагедия поколения отцов и двусмысленный разлад между словом и делом, нараставший во второй половине советской эпохи и приведший в конце концов к распаду Советского Союза. Эта двусмысленность провоцировала иронию и эпатаж. Наталия Рязанцева, известный сценарист, первая жена Шпаликова (браки были студенческими и быстро распались; юные муж и жена напоминали сами себе не столько супругов, сколько друзей-единомышленников, а для семейной жизни этого оказалось мало), вспоминает: «Слова „стёб“ тогда не было, но сам стёб был». Так она характеризует поведение Гены (его и тогда, и позже все называли Геной; солидное имя Геннадий, не говоря уже об отчестве, с ним не вязалось), всегда готового к какой-то экстравагантной выходке. То в Доме кино снимет со стены понравившуюся ему картину и спокойно понесет ее к выходу (и, конечно, будет тут же остановлен бдительным вахтером). То выбросит за окно непонравившуюся ему книгу – чужую, между прочим. То покажет друзьям «автограф» Льва Толстого Геннадию Шпаликову, самим же Шпаликовым, конечно, и сочиненный. То, будучи совершенно «невъездным», куда как правдоподобно расскажет им о фантастической поездке в Италию на кинофестиваль, где он запросто болтал и выпивал со всеми звездами. Так проявляла себя его поэтическая натура в жизни. Но она проявляла себя и в его стихах. И в песнях.

Шпаликов оказался не просто поэтом, но поэтом поющим, одним из первопроходцев (как бы он пошутил над этим пафосным словом) авторской песни, возникшей в середине 50-х годов. Анчаров, Визбор, Окуджава, Городницкий – вот первые барды, творившие поначалу независимо друг от друга: до поры до времени, до появления первых бытовых (катушечных) магнитофонов, они друг друга не слышали. В начале 60-х бесцензурные, зачастую острые авторские песни, не всегда зная имена авторов, распевала уже чуть ли не вся молодая интеллигенция. Песенной волне поддался и Шпаликов, оставивший после себя на фонограммах десятков таких песен. Судя по воспоминаниям друзей, в реальности песен у него было больше. Гена пел их в компаниях под собственный бесхитростный – честнее сказать, элементарный – гитарный аккомпанемент, пел монотонным, как будто напрочь лишенным эмоциональной выразительности голосом. И в этом уже был *стёб*.

Поначалу могло показаться, что петь он собирается всерьез. Вот, скажем, песня «Мы сидели, скучали...». Начинается она вполне лирически, обещает вроде бы развитие любовной темы: лирический герой и его спутница на прогулке по известным московским местам любуются красивым городским пейзажем и радуются хорошему дню: «Мы сидели, скучали / У зеленой воды, / Птиц домашних качали / Патриарши пруды. / День был светлый и свежий, / Людям нравилось жить, – / Я был весел и вежлив, / Я хотел рассмешить». Но что-то здесь настораживает. Во-первых, как-то несерьезно поэт сокращает название Патриаршие, убирая последний слог. Ясно, что полное слово не вписывается в ритм, но ритм можно ведь в песне слегка и «растянуть». Во-вторых, если птицы «качаются» на воде пруда, то они уже не домашние, а дикие. В-третьих, не очень ясно, герой песни «скучает» или все же «весел»; одно с другим не сходится. В-четвертых, он хочет героиню «рассмешить», а само это намерение лирической обстановке (свидание, пруд...) как-то не очень соответствует. Поэт и нас, слушателей, хочет рассмешить и делает это за счет включения в текст политических мотивов, которых здесь более чем достаточно для того, чтобы у этих стихов – даже если бы автор и попытался их опубликовать – не было никаких шансов попасть в печать. Слушаем песню дальше: «Сочинял вам, не мучась, / Про царей, про цариц, / Про печальную участь / Окольцованных птиц. / Их пускают китайцы, / Чтоб потом наповал / Били птиц сенегальцы / Над рекой Сенегал». Можно подумать, что это абракадабра какая-то, все смешано в одну кучу: цари, царицы, китайцы, птицы, сенегальцы... Но в этой абракадабре прозрачно зашифрован намек на злободневные в ту пору события «культурной революции» в Китае. Там в конце 50-х годов прошла кампания по борьбе с воробьями, якобы уничтожающими посевы. Население выходило на улицы, не давало воробьям садиться на землю, и те падали от изнеможения. Смешно и печально. И глупо, потому что посевы уничтожались насекомыми, которых могли бы уничтожить воробьи, если бы они не были уничтожены людьми. А дальше Шпаликов обыгрывает, тоже комично, одну известнейшую в советские годы песенную строчку – «Комсомольцы-добровольцы» (из песни Фрадкина на стихи Долматовского): «Комсомольцы-добровольцы, мы сильны нашей верною дружбой, сквозь огонь мы пойдем, если нужно, открывать молодые пути...» Обычная советская песенная риторика. Шпаликов остро чувствует эти казенные штампы и вышучивает их, переводя на язык абсурда: «Не узнать добровольцам, / Что убийцы босы / И научные кольца / Продевают в носы». Так в автографе, а на авторской фонограмме – другой вариант: «Не узнать комсомольцам...» Вот они и сошлись, эти самые комсомольцы-добровольцы.

В другой раз Шпаликов мог пошутить над одним из символов Московского Кремля, а значит, и всего Советского Союза: «Стоял себе, расколотый, / Вокруг ходил турист, / Но вот украл Царь-колокол / Известный аферист. / Отнес его в Столешников / За несколько минут, / Но там сказали вежливо, / Что бронзу не берут» («Колокол»). Смешно не только то, что знаменитый Царь-колокол украли (в те времена еще не вошло в обыкновение отпиливать от монументов детали и сбывать их на металлолом), но и то, что в антикварном магазине в Столешниковом переулке его не приняли. И не потому, что это символ, а потому, что просто качеством не вышел. Правильно: какое дело бизнесу до политики? Но самое смешное начинается после этого. Аферист продал-таки свою добычу «британскому послу» (а эта страна, как и весь прочий «буржуазный» Запад, Советскому государству, конечно, враждебна), и теперь за границей из колокола штампуют «бронзовые запонки», кремлевский комендант же «в ужасе повесился», и для того, чтобы спасти честь мундира и всей державы, «повторили колокол из пресс-папьемаше». Ну вот, позор скрыт, и даже Рабиндранат Тагор, великий индийский поэт и большой друг советского народа, «ходил вокруг да около, / Зубами проверял, / Но ничего про колокол / Плохого не сказал». В 1961 году вышел документальный фильм «Великий сын Индии», в котором были кадры, где Тагор в самом деле изображен возле Царь-колокола. Не уловил ли проницательный молодой автор суть всей позднесоветской эпохи, когда видимость была

важнее сущности и помпезные съезды и марши прикрывали постепенно нараставшую агонию государственной системы?..

Шпаликов шутил не только в песнях, но и в стихах, которых он не пел. А может быть, и пел, да только записей таких нет. Причем поначалу текст стихотворения мог казаться чисто лирическим, серьезным, настраивающим на высокий лад общения с классическим искусством: «О, Квазимодо, крик печали, / Собор, вечерний разговор, / Над ним сегодня раскачали / Не медный колокол – топор. / Ему готовят Эсмеральду, / Ему погибнуть суждено, / Он прост, как негр, как эсперанто, / Он прыгнет вечером в окно» («Квазимодо»). Однажды на вечере памяти Шпаликова известный актер прочитал эти стихи с серьезной, трагической интонацией. А ведь сравнения с негром и эсперанто (и почему они вдруг «просты»?) могли бы насторожить, показаться абсурдными. Как мог бы насторожить и финал стихотворения: «...Гюго откладывает ручку, / Зевает и ложится спать». Шутка, конечно. На самом деле Шпаликов написал эти стихи на спор с Рязанцевой. Он сказал ей, что может написать стихи на любую тему за двадцать минут. Она в ответ: тема – Квазимодо. И он написал.

Другой пример: «Любите вы Листа, Моцарта, Сальери, / Лавки букинистов, летний кафетерий, / Споры о Шекспире и о Кальдероне / В городской квартире в Киевском районе...» Замечательная атмосфера: лавки букинистов, летний кафетерий... Только и знай, что говори о литературе и музыке. Но не заметили подвоха? Ну да, конечно: *Сальери*. Рядом с именем Моцарта это имя звучит весьма двусмысленно. Сальери же отравил Моцарта! Исследователи, правда, не уверены, что так оно и было, но репутация убийцы великого композитора, в русской культуре созданная ему Пушкиным, безжалостно преследует Сальери уже два столетия. В стихах же Шпаликова перечисление этих имен на равных создает комический эффект. Это все равно что перечислить в одной строке «Пушкина, Дантеса» – за вычетом трагического смысла такого сочетания (конечно, смерть Моцарта в любом случае тоже тема невеселая, но все-таки он от нас как-то «дальше», можно и слегка пошутить). Да и упоминание «городской квартиры в Киевском районе» звучит как сниженное, особенно на фоне дальнейшей строки о французской столице: «Ах, Париж весенний! Как к тебе добраться?» Это ведь не в Киевском районе, а в недоступном Париже «лавки букинистов, летний кафетерий...». Здесь же поэт иронизирует и над «патриотическим» осуждением пристрастия к Западу: «Вы себя погубите западной душой, / за границу любите – ох, нехорошо». А что же у нас? Узнаём в самом финале: «Любите вы Брамса, / нравится вам Врубель, / Так подайте рубль, / дорогие братцы». Можно не комментировать – напомнить только, что поэт обыграл название романа Франсуази Саган «Любите ли вы Брамса?» и одноименного французско-американского фильма по этому роману. Но заметим, что в шуточных стихах, с присущим им контрастом поэтического парижского и скудного московского быта – да еще и быта сидящего без денег «любителя искусств», – ощущается мастерская работа со словом, неожиданные и оригинальные рифмы, в том числе и внутренние, когда созвучны не только концовки стихов, но и слова внутри их: «Листа – букинистов», «Сальери – кафетерий», «Шекспире – квартире», «Кальдероне – районе»; «Брамса – братцы», «Врубель – рубль». Поэт подобрал рифму к каждому «западному» имени!

Сам автор трагедии «Моцарт и Сальери» вниманием Шпаликова тоже обойден не был. В числе его шуточных стихотворений-песен было и начинающееся строчкой «Я шагаю по Москве...» – строчкой, затем давшей название сценарию, по которому и была снята знаменитая кинокартина. Не будем ее путать со знаменитой песней «Бывает все на свете хорошо...», сочиненной как раз для этого фильма и имеющей припев «А я иду, шагаю по Москве...». Она, кстати, тоже не лишена не всегда замечаемого слушателями «стёба», абсурдных ноток («летняя гроза» после «нормального летнего дождя», готовность пройти «солёный Тихий океан» и отыскать «под снегом фиалку»...). Так вот, Пушкин выглядит в стихах как москвич шпаликовской эпохи, жилец обычной квартиры в обычном доме: «Здесь когда-то Пушкин жил, / Пушкин с Вяземским дружил, / Горевал, лежал в постели, / Говорил, что он простыл». Ана-

логичный мотив звучит, кстати, и в сценарии «Я шагаю по Москве»: «Вон в том доме, – Колька показал Володе маленький, утопающий в зелени особнячок, – когда-то жил Пушкин». В ответ на вопрос собеседника-сибиряка: «А теперь?» – юный москвич глазом не моргнув отвечает: «Теперь родственники. Правнук, например. За „Торпедо“ края играет». Это напоминает, может быть, комические хармсовские «Анекдоты из жизни Пушкина» («Как известно, у Пушкина никогда не росла борода», и все в таком духе) и предвосхищает позднейшие стихи шпаликовских современников, тоже поющих поэтов, оказавшихся с Пушкиным «на дружеской ноге», – Окуджавы («Счастливчик Пушкин») и Высоцкого («Лукоморья больше нет»). Разумеется, в этом не было насмешки над Пушкиным – стихи и Хармса, и Шпаликова, и Окуджавы с Высоцким интуитивно противостояли выхолащиванию классики, наведению на нее хрестоматийного глянца.

Но как раз Пушкин-то, может быть, и стал для Шпаликова тем внутренним «водоразделом», который проводит границу между смешным и серьезным, открывает нам лирического поэта, умевшего не только шутить. У Шпаликова есть небольшой цикл «Три посвящения Пушкину», в прозрачной атмосфере которого ощущается даже легкая стилизация в пушкинском же духе, узнаются некоторые пушкинские лирические мотивы – например, из его знаменитого стихотворения «19 октября», обращенного к лицейским друзьям («Поговорим о бурных днях Кавказа, о Шиллере, о славе, о любви»). У Шпаликова же читаем: «Влетел на свет осенний жук, / В стекло ударился, как птица. / Да здравствуют дома, где нас сегодня ждут! / Я счастлив собираться, торопиться. / Там на столе грибы и пироги, / Серебряные рюмки и настойки, / Ударит час, и трезвости враги / Придут сюда для дружеской попойки. / Редет круг друзей, но – позови, / Давай поговорим, как лицеисты, – / О Шиллере, о славе, о любви, / О женщинах – возвышенно и чисто». Это строки очень личные. Во-первых – «круг друзей». В жизни Шпаликова друзья занимали очень значительное место. Это была дружба еще студенческая, пронесенная через всю жизнь: режиссер Юлий Файт, сохранивший шпаликовский архив и передавший его в Музей кино, подготовивший к изданию несколько книг своего покойного друга; сценарист Павел Финн, сделавший Шпаликова одним из главных героев своей книги «Но кто мы и откуда», в которой соединилось мемуарное и романное повествование; кинооператор Александр Княжинский, камерой которого снята последняя (если не считать фильма по стихам Есенина «Пой песню, поэт») картина по шпаликовскому сценарию – «Ты и я», драматичная история уже не юных людей, которым пришла пора проверить на прочность и юношескую дружбу, и юношеские идеалы, – и не все эту проверку выдерживают. Дружил Шпаликов и с Андреем Тарковским (они оба, а еще Василий Шукшин изображены на тройственном памятнике у входа во ВГИК как самые, может быть, замечательные его выпускники), с художником Михаилом Ромадиным, оформившим первую – посмертную – книгу Гены, вышедшую спустя пять лет после его кончины...

С дружеским кругом связан, конечно, и мотив «дружеской попойки», но дело здесь, во-вторых, не только в этом. Чем старше становился Шпаликов, тем острее ощущалась в нем житейская неприкаянность, бездомность – хотя у него образовалась новая семья. Он женился на киноактрисе Инне Гулая, прославившейся главной ролью в фильме Льва Кулиджанова «Когда деревья были большими». В 1963 году родилась дочь Даша.

Инну Шпаликов снял в главной роли в своем фильме «Долгая счастливая жизнь». В этой кинокартине вообще много личного. Герой ее – Виктор, человек тридцати с лишним лет, с немалым уже жизненным опытом за плечами. В первых фильмах Шпаликова героями были юноши; кажется, теперь его герои повзрослели вместе с автором. Сам фильм – почти бессюжетный, здесь происходит встреча мужчины и женщины, вроде бы обещающая их возможный союз, *долгую счастливую жизнь*. Но ничего не получается – и вряд ли могло бы получиться, понимает зритель. У Виктора остается лишь воспоминание о Лене, заставляющее воображать встречу, которой уже не бывать: «Нахлынуло, накатило что-то, и потянуло вдруг снова уви-

деть человека, которого он и знал всего сутки и очень приблизительно». Автор фильма уловил и выразил поворот от «оттепельной» эйфории к рефлексии последующих лет, ставших для целого поколения, выражаясь словами другого поэта, «временем пересчета» (Твардовский).

Несмотря на явную творческую удачу семейного тандема (фильм «Долгая счастливая жизнь» в 1966 году получил приз на фестивале авторского кино в итальянском городе Бергамо), и здесь настоящей семьи не получилось. Каждый из супругов был яркой личностью, звездой (правда, звезда Инны светилась недолго, снималась она мало) – а звезда со звездой, как известно, не сходятся. Неуправляемый Гена вечно исчезал, потом возвращался, просил прощения, и все шло по тому же кругу. Так что «грибы и пироги, серебряные рюмки и настойки» созданы поэтической фантазией: увидеть все это он мог разве что в чужом доме. Сходная ностальгия по домашнему теплу и уюту прозвучит у Шпаликова и в других стихах: «Прощай, Садовое кольцо, / Я опускаюсь, опускаюсь / И на высокое крыльцо / Чужого дома поднимаюсь» («Садовое кольцо»). Или вот в этих, где единственным реальным домом лирического героя оказывается пустынный ночной город – символ одиночества: «Не принимай во мне участия / И не обманывай жильем, / Поскольку улица отчасти / Одна – спасение мое... / Пустые улицы раскручивал / Один или рука к руке, / Но ничего не помню лучшего / Ночного выхода к реке... / Все было празднично и тихо / И в небесах, и на воде. / Я днем искал подобный выход / И не нашел его нигде» («Не принимай во сне участия...»).

Что поддерживало его в этой бесприютности? Работа, конечно. Шпаликов ухитрялся писать и в таких условиях, живя по большей части в домах творчества кинематографистов (Болшево) и писателей (Переделкино). Как член творческих союзов, он имел право на путевки. Ночуя порой у кого-нибудь из друзей и знакомых, с доброй завистью разглядывал корешки книг в больших домашних библиотеках. У него самого настоящей писательской библиотеки и кабинета никогда не было. Он мог зайти на почту и перьевой ручкой, макая ее в чернильницу (в 70-е годы в почтовых отделениях были для общего пользования именно такие), написать стихотворение. Выходило, что почта – самое подходящее для литературной работы место. Порой ночевал даже на уличной скамейке.

Поддерживала – и питала творчество – и память о детских годах, пришедшихся на войну. Шпаликов был очень «автобиографическим» художником. Когда-то, в середине 60-х, он вывел в сценарии картины о военном времени «Я родом из детства» всю свою семью: родителей, себя и младшую сестру. На исходе жизни его снова потянуло в детские годы – на сей раз годы «суворовские», киевские. Да, дух казармы был ему чужд, военная судьба его, слава богу, миновала. Но была память о мальчишеской дружбе, и чем меньше жизненных опор оставалось у взрослого Геннадия Шпаликова, тем прочнее казался ему мир, окружавший его в начале жизни. Об этом – не ставший фильмом сценарий «Воздух детства». В текст сценария Шпаликов включил одно из лучших своих стихотворений (впоследствии, уже после ухода поэта из жизни, Николай Губенко, в молодости снявшийся в «Заставе Ильича» Шпаликова и Хуциева, использовал его в своем фильме «Подранки»): «...Путешествие в обратно / Я бы запретил, / Я прошу тебя, как брата, / Душу не мути. / А не то рвану по следу, / Кто меня вернет? / И на валенках уеду / В сорок пятый год. / В сорок пятом угадаю, / Там, где – боже мой! – / Будет мама молодая / И отец живой» («По несчастью или к счастью...»).

Ставить «Воздух детства» собиралась киевская Киностудия имени Довженко, но эти вечные шпаликовские срывы... Да и время «поэтического» кино, каковым и виделась сценаристу задуманная им картина, к этому времени уже прошло... Но пока дело не провалилось окончательно, Гена подолгу бывал в Киеве, постоянно виделся со своим старшим другом (Гене он годился в отцы) писателем Виктором Некрасовым – Викой, как звали его друзья. Некрасов, когда-то лауреат Сталинской премии, полученной за роман «В окопах Сталинграда», теперь был в опале из-за независимой литературной позиции и связей с диссидентами. В Киеве друзья «погуливали», но посиделки их были не очень веселыми. Будучи под жестким давлением

властей, Вика решил уехать из страны. Это произошло 12 сентября 1974 года. В октябре Гена написал посвященное ему стихотворение, одно из самых своих последних и пронзительных: «Чего ты снишься каждый день, / Зачем ты душу мне тревожишь? / Мой самый близкий из людей, / Обнять которого не можешь...»

А еще шпаликовская неприкаянность – как, впрочем, и некрасовская опала – искупалась чувством свободы, внутренне присущим каждому настоящему художнику. Свободы от лицемерия советского официоза, от редакторско-цензорских запретов. Свободы писать то, что хочешь и так, как хочешь, шутить там, где смешно, и печалиться там, где печально. Может быть, в этом – главное объяснение и его «стёба», и его «анархизма», поэтической несовместимости с официальным, «организованным свыше» искусством. Хотя это чувство свободы и было, конечно, приправлено горечью: «Вольным – вольная воля, / Ни о чем не грущу, / Вдохом в чистое поле / Я себя отпущу. / Но откуда на сердце / Вдруг такая тоска? / Жизнь уходит сквозь пальцы / Желтой горстью песка» («Остается во фляге...»).

Предчувствие было точным: жизнь и в самом деле уходила. Когда-то в молодости он написал и напел под гитару стихи о смерти, которые друзьям казались шуточными (они и были сочинены как шуточный подарок на день рождения одному из друзей), а теперь звучат как пророческие и трагические: «Ах, утону я в Западной Двине / Или погибну как-нибудь иначе, / Страна не пожалеет обо мне, / Но обо мне товарищи заплачут. / Они меня на кладбище снесут, / Простят долги и старые обиды, / Я отменяю воинский салют, / Не надо мне гражданской панихиды». Шутка – потому что поэт, с его обостренным ощущением фальши официоза, иронизирует над советским церемониалом, над «большими» кремлевскими похоронами «настоящих коммунистов, продолжателей дела великого Ленина», как об этом говорилось в некрологах. Но ведь звучит здесь и всерьез мотив собственного ухода из жизни.

Шпаликов не утонул в Западной Двине. Он погиб «как-нибудь иначе»: повесился в Переделкине 1 ноября 1974 года. О мотивах этого шага можно только гадать. Неприкаянность и бездомность, вязкая и гнетущая атмосфера застоя, творческая нереализованность, чувство бесперспективности работы в стол (сценарий – не роман, он не может лежать пятнадцать лет до очередной «оттепели», его ставят или сейчас, или никогда)... А может быть – все это сразу? Ему было тридцать семь лет – роковой для русских поэтов возраст. Закончился его недолгий земной путь, но осталось исполненное лиризма и оттого обращенное к нашей душе творчество. «Я к вам травую прорасту, / попробую к вам дотянуться, / как почка тянется к листу, / вся в ожидании проснуться...»

Откликнемся же поэту.

Анатолий Кулагин

Автобиография

Я, Шпаликов Геннадий Федорович, родился в сентябре 1937 года в г. Сегеже Карело-Финской ССР, где мой отец, Шпаликов Федор Григорьевич, строил Сегежский бумажно-целлюлозный комбинат. Он был военный инженер.

В 1939 году после окончания строительства мы вернулись в Москву.

В 1941 году, как только началась война, нас вместе с Академией им. Куйбышева, где служил и работал отец, эвакуировали в г. Фрунзе. Жили мы, вернее, в деревне Аларга – это недалеко от города.

Зимой 1943 года вернулись в Москву. 28 января 1944 года в Польше погиб мой отец, инженер-майор Шпаликов.

В 1945 году я поступил в школу, а в 1947 году военкоматом Ленинградского района г. Москвы был направлен в Киевское суворовское военное училище как сын погибшего офицера.

В Киевском суворовском военном училище я находился с 1947 по 1955 год. В училище был членом комсомольского бюро взвода, редактировал газету.

В июле 1955 года окончил Киевское суворовское военное училище и был направлен в Московское Краснознаменное училище им. Верховного Совета РСФСР.

В октябре 1955 года приказом начальника училища был назначен на должность командира отделения с присвоением звания мл. сержанта.

В январе 1956 года на батальонных учениях я повредил колено правой ноги и до марта 1956 года лежал в Хлебниковском военном госпитале.

7 марта 1956 года Окружной медицинской комиссией был признан негодным для дальнейшего обучения в военном училище, а несколько дней спустя приказом начальника училища по состоянию здоровья я был уволен из армии. Сейчас живу в городе Москве, по ул. Горького, д. 43, кв. 110, с матерью, с 1952 года – член ВЛКСМ.

Г. Шпаликов¹

26.06.56 г. г.

Москва

¹ Г. Шпаликов приложил эту автобиографию к документам при поступлении во ВГИК.

Стихотворения разных лет

«По несчастью или к счастью...»

По несчастью или к счастью²,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места.

Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищем,
Ни тебе, ни мне.

Путешествие в обратно
Я бы запретил,
Я прошу тебя, как брата:
Душу не мути.

А не то рвану по следу,
Кто меня вернет?
И на валенках уеду
В сорок пятый год.

В сорок пятом угадаю,
Там, где – боже мой! —
Будет мама молодая
И отец живой.

² Стихотворение «По несчастью или к счастью...» использовано в фильме Н. Губенко «Подранки».

«Москва сортировала поезда...»

Москва сортировала поезда:
Товарные, военные, почтовые.
Нас увозили в дальние места,
Живыми оставались чтобы мы.

Для жизни дальней оставались жить,
Которая едва обозначалась,
Теперь – глаза в слезах едва смежить
За все начала, за все начала.

«Спой ты мне про войну...»

Спой ты мне про войну³,
Про солдатскую жену,
Я товарищей погибших,
Как сумею, помяну.

Тебя, Сергей, за Волгой схоронили,
Фанерную поставили звезду,
А мой старший брат погиб на Украине
В сорок первом, сорок-горестном году.

Спой ты мне про войну
Да про тех, кто был в плену,
Я товарищей погибших,
Как сумею, помяну.

Всех без вести, всех без вестей пропавших,
А сколько их пропало за войну,
Всех ребят, ребят, России не продавших, —
Как сумею, как умею – помяну.

Спой ты мне про войну,
Про Советскую страну,
Много стран на белом свете,
Я ручаюсь за одну.
Она меня мальчишкою растила,
На трудный хлеб, на трудные хлеба,
Ты одна, одна на всех, моя Россия,
И защита, и надежда, и судьба.

³ Песня «Спой ты мне про войну...» (стихи Г. Шпаликова, музыка И. Шварца) прозвучала в двухсерийном фильме «Рабочий поселок» (1965), снятом режиссером В. Венгеровым по одноименной повести Веры Пановой.

«Городок провинциальный...»

Городок провинциальный⁴,
Летняя жара,
На площадке танцевальной
Музыка с утра.

Рио-рита, рио-рита,
Вертится фокстрот,
На площадке танцевальной
Сорок первый год.

Ничего, что немцы в Польше,
Но сильна страна,
Через месяц – и не больше —
Кончится война.

Рио-рита, рио-рита,
Вертится фокстрот,
На площадке танцевальной
Сорок первый год.

⁴ Этот текст лег в основу песни П. Тодоровского, написанной для его фильма «Военно-полевой роман».

«Я жизнью своей рискую...»

Я жизнью своей рискую⁵,
С гранатой на танк выхожу
За мирную жизнь городскую,
За все, чем я так дорожу.

Я помню страны позывные,
Они раздавались везде —
На пункты идти призывные,
Отечество наше в беде.

Живыми вернуться просили.
Живыми вернуться не все,
Вагоны идут по России,
По травам ее, по росе.

И брат расставался с сестрою,
Покинув детей и жену,
Я юностью связан с войною,
И я ненавижу войну.

Я понял, я знаю, как важно
Веслом на закате грести,
Сирени душистой и влажной
Невесте своей принести.

Пусть пчелы летают – не пули
И дети родятся не зря,
Пусть будет работа в июле
И отпуск в конце января.

За лесом гремит канонада,
А завтра нам снова шагать.
Не надо, не надо, не надо,
Не надо меня забывать.

Я видел и радость и горе,
И я расскажу молодым,
Как дым от пожарища горек
И сладок отечества дым.

⁵ Песня «Я жизнью своей рискую...» (стихи Г. Шпаликова, музыка Б. Чайковского) из фильма «Пока фронт в обороне» (1964; реж. Ю. Файт).

«Не пойте песен про войну...»

Не пойте песен про войну,
Картины не снимайте.
Стаканом лучше помянуть —
Так чище.

Половина девятого

Солнцем обрызган целый мир,
Празднично блещет улица.
После
 утренней тьмы
 квартир
Люди стоят
 и шурятся.
Сдвинься, попробуй —
 не хватит сил,
И у подъездов,
 спросонок,
Город большой на мгновенье
 застыл,
Зажмурившись,
 как котенок.

Обвинение дождю

Откуда у неба столько воды,
Тут помутнеешь в рассудке.
Дождь,
 наливая
 с краями пруды,
Хлещёт вторые сутки.
Погода сама говорит за то,
Что в этот безбожный век
Скоро будет всемирный потоп
И нужно строить ковчег.
Кто там, на небе,
 давай разберись,
Пожалуйста,
 не авральте.
Нам же не сеять
 китайский рис
На заливном
 асфальте.

Читая маяковского

Читаю – завидую,
читаю – горжусь.
Хорошая
зависть
эта.
Вскормила
земля великая Русь
Себе по плечу
поэта.
Кажется,
встает он:
«Держи
лапу,
Сегодня занят.
Завтра
жду». —
И громко Вселенной:
«Сними
шляпу.
Я иду!»

«Так служим Отчизне...»

Так служим Отчизне,
Что лучше не надо, —
Семнадцать
 лет жизни,
И восемнадцать
 парадов.

«Не смотри на будущее хмуро...»

Не смотри на будущее хмуро,
Горестно кивая головой...
Я сегодня стал литературой
Самой средней, очень рядовой⁶.

Пусть моя строка другой заслонится,
Но благодарю судьбу свою
Я за право творческой бессонницы
И за счастье рядовых в строю.

⁶ Отклик на первую публикацию.

Грустное

В это —
серьезно верил,
Возможно
от простоты.
Звонок неожиданный
в двери.
Я открываю —
ты!
Верить мне в это
хочется,
А факты кричат:
не верь!
Ведь чаще всего молочнице
Я открываю
дверь.

«Я тебя девчонкой...»

Я тебя девчонкой
 знал когда-то,
А теперь
 расстроенной
 гурьбой
Глупые, влюбленные ребята
Вечерами ходят за тобой.
Все понятно – так должно
 случиться,
Раньше, позже,
 но пришел
 твой срок
Уложить девчоночьи косицы
В золотистый
 женственный
 пучок.
Вспомнить здесь, по-моему,
 нелишнее,
Как при виде этой головы
Я тебя, знакомую,
 давнишнюю,
Неожиданно назвал на «вы».
А в конце концов
 открылось
 главное,
Я узнал как будто бы вчера,
Что какая милая и славная
Девочка из нашего двора.
И когда к тебе идут
 ребята,
Мне смешно и грустно сознавать,
Что тебя за косы драл когда-то,
А теперь вот буду ревновать.

Редкое сновидение, или жалко, что не в жизни

Такое может случиться со сна,
Простительно каждому,
и понятно —
Хорошее утро,
вообще – весна,
На стенах солнца яркие
пятна.
Небо за стеклами,
синь высоты,
Луж сияющие окружения.
И конечно,
являешься ты,
Далекая
во всех отношениях.
Я удивленно шагнул назад,
Что-то
промолвил
дрожащим голосом.
Нет, несомненно – твои глаза,
Твои пшеничные волосы.
Мне незнакомое
ранее
платье,
Воздушное,
белое, кажется,
бальное.
Потянулся тебя обнять я,
Не очень скромно
и очень нахально.
Думаю:
сейчас хлестнет
по щекам,
Что-нибудь резкое скажет.
А ты —
видно, стала попроще-ка
И улыбаешься даже.
Шаг вперед,
мы вдвоем.
Полностью, а не отчасти...
И так
не вовремя
сигнал «подъем!»
Перерывает счастье.
Сажу на кровати,
опухший со сна,

Ботинки
невесело обувая...
Как говорится,
весна,
Все бывает.

Десять лет

Загорелым, обветренным и босым
Выскочил он под дождь.
От современности —
 только трусы,
А так – африканский вождь.
Пренебрежительно глянул на нас,
Вытер ладонью нос
И пустился по лужам в дичайший пляс
С удовольствием и всерьез.

Можайск

В желтых липах спрятан вечер,
Сумерки спокойно-сини.
Город тих и обесцвечен,
Город стынет.

Тротуары, тротуары
Шелестят сухой листвою,
Город старый, очень старый
Под Москвою.

Деревянный, краснокрыший,
С бесконечностью заборов,
Колокольным звоном слышен
Всех соборов.

Полутени потемнели,
Тени смазались краями,
Переулки загорели
Фонарями.

Здесь, остриженный, безусый,
В тарантасе плакал глухо
Очень милый, очень грустный
Пьер Безухов.

Переулок юности

Звон трамвая голосист и гулок,
Парк расцвечен точками огней,
Снова я пришел на переулок —
Переулок юности моей.

Над асфальтом наклонились вязы,
Тенью скрыв дорожку мостовой.
Помню, как к девчонке сероглазой
Торопился я под выходной.

Как, промокнув под дождем веселым,
За цветущий прятались каштан,
Девочка из сорок третьей школы
И до слез смущенный мальчуган.

Мне хотелось слез необычайных,
Клятву, что ли, дать или обет.
Этот дождь, короткий и случайный,
Стал причиной близости к тебе.

Знаю – случай ничего не значит.
Но сегодня поздно пожалел,
Что могло случиться все иначе,
Если б дождь подольше прозвенел.

Звон трамвая голосист и гулок,
Парк расцвечен точками огней,
Снова я пришел на переулок —
Переулок юности моей.

Надоело!

Кажется, вырос годами и телом,
Здоровый парень с взлохмаченной головой,
Но сегодня вдруг захотелось
Домой.
Сердце кричит упрямо,
Пусть слова у него другие,
Раньше просто —
Хочу к маме! —
А теперь —
Долой Киев! —
Долой ваши порядки,
Приказики
и приказы.
Сверху гладко,
Внутри —
зараза.
Внутри то, что калечим,
Год от года становится плоше,
Злоба легла на плечи
Тяжелой ношей.
Злоба тугим захлестом
Сдавила душу грубо,
Освободиться просто —
В зубы!
Легче всего
хрястнуть ломом,
Здоровье и молодость —
победители...
Ну а дальше?
Ты дома,
Ро-ди-те-ли...
Грустные лица,
Плач тягучий...
Этому не случиться
Ни в коем случае.
Снова и снова в поле зрения
Стены
напротив
скучно-белые,
Как все до омерзения
Надоело.
Болью мозг защемило,
Словно один продираешься чащей,
Каждый день – бритый затылок
Впереди стоящего.

«Я жил как жил...»

Я жил как жил,
Спешил, смешил,
Я даже в армии служил
И тем нисколько не горжусь,
Что в лейтенанты не гожусь.
Не получился лейтенант,
Не вышел. Я – не получился,
Но, говорят, во мне талант
Иного качества открылся:
Я сочиняю – я пишу.

«Бывает все на свете хорошо...»

Бывает все на свете хорошо⁷,
В чем дело, сразу не поймешь, —
А просто летний дождь прошел,
Нормальный летний дождь.

Мелькнет в толпе знакомое лицо,
Веселые глаза,
А в них бежит Садовое кольцо,
А в них блестит Садовое кольцо
И летняя гроза.

А я иду, шагаю по Москве,
И я пройти еще смогу
Соленый Тихий океан,
И тундру, и тайгу.

Над лодкой белый парус распушу,
Пока не знаю с кем,
Но если я по дому загрузу,
Под снегом я фиалку отыщу
И вспомню о Москве.

⁷ Песня из кинофильма Г. Данелии «Я шагаю по Москве» (1963; стихи Г. Шпаликова, музыка А. Петрова).

«Есть у раздражения...»

Есть у раздражения
Самовыражение.
Дверью – хлоп,
И пулю – в лоб.
Ах, как всем досадил!
И лежит в гробу – костюм,
Новые ботинки,
Галстук на резинке.
Две вдовы
(Две жены)
К случаю наряжены.
Он лежит – уже ничей
В ожидании речей.
Караул! Караул!
Вот почетный караул.
Хорошо ему в почете,
Жалко, ноги протянул.
Говорю ему – привет,
Ты – туда, а я – в буфет.

Батум

Работа не тяжелая,
И мне присуждено
Пить местное, дешевое
Грузинское вино.

Я пью его без устали,
Стакан на свет гляжу,
С матросами безусыми
По городу брожу.

С матросами безусыми
Брожу я до утра,
За девочками с бусами
Из чешского стекла.

Матросам завтра вечером
К Босфору отплывать,
Они спешат, их четверо,
Я пятый – мне плевать.

Мне оставаться в городе,
Где море и базар,
Где девочки негордые
Выходят на бульвар.

«У лошади была грудная жаба...»

У лошади была грудная жаба,
Но лошади – послушное зверье,
И лошадь на парады выезжала
И маршалу молчала про нее.

А маршала сразила скарлатина,
Она его сразила наповал,
Но маршал был выносливый мужчина
И лошади об этом не сказал.

«Мертвец играл на дудочке...»

Посвящается Феллини

Мертвец играл на дудочке,
По городу гулял,
И незнакомой дурочке
Он руку предлагал.

А дурочка, как Золушка,
Ему в глаза глядит —
Он говорит о золоте,
О славе говорит.

Мертвец – певец и умница,
Его слова просты —
Пусты ночные улицы,
И площади пусты.

«Мне больно, мне невесело,
Мне холодно зимой,
Возьми меня невестою,
Возьми меня с собой».

«То ли страсти поутихли...»

То ли страсти поутихли,
То ли не было страстей,
Потерялись в этом вихре
И пропали без вестей
Люди первых повестей.
На Песчаной – все песчано,
Лето, рвы, газопровод,
Белла с белыми плечами⁸,
Пятьдесят девятый год,
Белле челочка идет.
Вижу четко и нечетко, —
Дотянись – рукой подать:
Лето, рвы и этой челки
Красно-рыжей благодать.
Над Москвой-рекой ходили,
Вечер ясно догорал,
Продавали холодильник,
Улетали за Урал.

⁸ *Белла* – Белла Ахмадулина (1937–2010). В 1960 году она посвятила Г. Шпаликову стихотворение «Свеча».

«Я шагаю по Москве...»

Я шагаю по Москве,
Как шагают по доске,
Что такое – сквер направо
И налево тоже сквер.
Здесь когда-то Пушкин жил,
Пушкин с Вяземским дружил,
Горевал, лежал в постели,
Говорил, что он простыл.
Кто он, я не знаю кто,
А скорей всего, никто,
У подъезда на скамейке
Человек сидит в пальто.
Человек он пожилой,
На Арбате дом жилой.
В доме летняя еда,
А на улице среда
Переходит в понедельник
Безо всякого труда.
Голова моя пуста,
Как пустынные места.
Я куда-то улетаю,
Словно дерево с листа.

«Сегодня пьем...»

Сегодня пьем
Опять втроем,
Вчера втроем,
Позавчера —
Все вечера
Втроем.
Четвертый был,
Но он забыл,
Как пел и пил.
Ему плевать,
Ушел вчера,
А нам блевать
Все вечера
Втроем.

«Разговор о чебуреках поведем...»

Разговор о чебуреках поведем,
Посидим на табуретах, попоем
О лесах, полях, долинах, о тебе,
О сверкающих павлинах на воде.

Ах, красавица, красавица моя,
Расквитаемся, уеду в Перу я,
В Перу, Перу буду пить и пировать,
Пароходы буду в море провожать.

По широкой Амазонке поплыву
И красивого бизона подстрелю.
Из бизона я сошью себе штаны,
Мне штаны для путешествия нужны.

Вижу я – горят Стожары, Южный Крест
Над снегами Килиманджаро и окрест.
И река течет с названием Лимпопо,
И татарин из Казани ест апорт.

Засыпает, ему снится Чингисхан,
Ю. Ильенко⁹ и Толстого Льва роман,
И Толстого Алексея кинофильм,
Ахмадулина, Княжинский¹⁰, Павел Финн¹¹.

⁹ Юрий Герасимович Ильенко (1936–2010) – советский и украинский кинорежиссер, оператор, сценарист и политик.

¹⁰ Александр Леонидович Княжинский (1936–1996) – кинооператор.

¹¹ Павел Константинович Финн (р. 1940) – киносценарист, актер, автор книги воспоминаний «Но кто мы и откуда», где рассказывается о послевоенной Москве, ВГИКе шестидесятых годов, о Геннадии Шпаликове, Андрее Тарковском, Ларисе Шепитько и др.

«Что за жизнь с пиротехником...»

Что за жизнь с пиротехником,
Фейерверк, а не жизнь,
Это – адская техника,
Подрывной реализм.

Он веселый и видный,
Он красиво живет,
Только он, очевидно,
Очень скоро помрет.

На народном гулянье,
Озарив небосклон,
Пиротехникой ранен,
Окочурится он.

Я продам нашу дачу,
Распродам гардероб,
Эти деньги потрачу
На березовый гроб.

И по рыночной площади
Мимо надписи «Стоп»
Две пожарные лошади
Повезут его гроб.

Скажут девочки в ГУМе,
Пионер и бандит —
Пиротехник не умер,
Пиротехник убит.

Из послания П. Финну

На языке родных осин,
На «Консуле» – тем паче
Стучи, чтоб каждый сукин сын
Духовно стал богаче.

Стучи, затворник, нелюдим,
Анахорет и рыцарь,
И на тебя простолюдин
Придет сюда молиться.

Придут соседние слепцы,
Сектанты и тираны,
И духоборы, и скопцы,
И группа прокаженных.

И боль, и блажь простых людей
Доступна – ты не барин,
Хотя ты, Паша, иудей,
А что – Христос – татарин?

Ты не какой-то имярек —
Прошу, без возраженья! —
Ты просвещенный человек,
Почти из Возрожденья.

Паше, в утешение

Почто, о друг, обижен на меня?
Чем обделен? Какими сапогами?
Коня тебе? Пожалуйста – коня!
Зеленый штоф, вязигу с пирогами.

Негоциантку или Бибигуль?
Иль деву русскую со станции Подлипки?
Избу на отдаленном берегу
Иль прелести тибетской Айболитки?

Все для тебя – немой язык страстей
И перстень золотой цареубийцы.
Ты прикажи – и вот мешок костей
Врагов твоих и тело кровопийцы.

«Меня влекут, увы, не те слова...»

П. К. Финну – в ответ на дружеское послание

Меня влекут, увы, не те слова,
Не «ледосплав», не «ледоход» и даже —
Поэта золотая голова —
Все лажа.
А что не лажа?
Что, мой друг, не ржа?
Поутру сон? Желание хозяйки?
Или полет ружейного пыжа
Вслед лайки?
Не лажа, Паша, – доказать готов —
Мысль сухопутная да прозвучит не дико! —
Охота (но не промысел!) китов
Под руководством, Паша, Моби Дика.
Она явилась как-то раз во сне
И совершенно якобы некстати,
И дел вовне и местности – вовне,
Как, например, на Клязьме – полосатик.
Не ихтиолог, не специалист
По промыслу, тем более – по ловле,
Хотя – спортсмен и в прошлом – футболист,
Тогда – во сне, себя поймал на слове, —
Что надо наниматься на суда.
Прощайте, трепачи и резонеры!
И плыть, конечно, Паша, не сюда —
А в гарпунеры.
Не лажа, Паша, помнишь? – клык моржа,
А впрочем, и моржи, конечно, лажа.
Хорош еще, конечно, дирижабль,
Вслед за китом возникший из миража...

«Друг мой, я очень и очень болен...»

П. К. Ф.

Друг мой, я очень и очень болен,
Я-то знаю (и ты), откуда взялась эта боль!
Жизнь крахмальна – поступим крамольно
И лекарством войдем в алкоголь!
В том-то дело! Не он в нас – целебно!
А напротив – в него мы, в него!
И не лепо ли бяше! – а лепо,
Милый Паша, ты вроде Алеко
И уже я не помню кого!
Кто свободен руками, ногами,
Кто прощается с Соловками,
А к тебе обращается узник
Алексеевский равелин —
Просит Мурманск – на помощь, союзник!
И дорогою – на Берлин.

Квазимодо¹²

О, Квазимодо, крик печали,
Собор, вечерний разговор,
Над ним сегодня раскачали
Не медный колокол – топор.

Ему готовят Эсмеральду,
Ему погибнуть суждено,
Он прост, как негр, как эсперанто,
Он прыгнет вечером в окно.

Он никому вокруг не нужен,
Он пуст, как в полночь Нотр-Дам,
Как лейтенант в «Прощай, оружие»,
Как Амстердам и Роттердам,

Когда кровавый герцог Альба
Те города опустошил
И на тюльпаны и на мальвы
Запрет голландцам наложил.

А Квазимодо, Квазимодо
Идет, минуя этажи.
Молчат готические своды,
Горят цветные витражи.

И на ветру сидят химеры,
Химерам виден далеко
Весь город Франса и Мольера,
Люмьера, Виктора Гюго.

И, посмотрев в окно на кучи
Зевак, собак, на голь и знать,
Гюго откладывает ручку,
Зевает и ложится спать.

¹² *Наталия Борисовна Рязанцева* (р. 1938) – сценарист, кинодраматург, профессор ВГИКа, первая жена Г. Шпаликова (свадьба состоялась 29 марта 1959 года), рассказывала, что стихотворение «Квазимодо» было написано на спор. Шпаликов утверждал, что может за двадцать минут написать стихи на любую тему. Рязанцева задала тему, и за семнадцать минут было написано это стихотворение.

«Тишинский рынок, эх, Княжинский рынок...»

Тишинский рынок, эх, Княжинский рынок,
Надменные чистильщики ботинок,
Надменные я знаю почему —
Профессия такая ни к чему.
Мне там старик пальто перешивал,
Перешивая, сильно выпивал.
Скажи, старик, ты жив или не жив,
Последнее пальто распотрошив?

«Ударил ты меня крылом...»

Ударил ты меня крылом,
я не обижусь – поделом,
я улыбнусь и промолчу,
я обижаться не хочу.

А ты ушел, надел пальто,
но только то пальто – не то.
В моем пальто под белый снег
ушел хороший человек.

В окно смотрю, как он идет,
а под ногами – талый лед.
А он дойдет, не упадет,
а он такой – не пропадет.

**Л. К.
(Песня запрещенная)**

Нескладно получается —
Она с другим идет,
Невестою считается —
С художником живет.

Невестою считается,
Пьет белое вино.
Нескладно получается —
Как в западном кино.

Пока домой поклонники
Ее в такси везут,
Сижу на подоконнике
Четырнадцать минут.

Взяв ножик у сапожника,
Иду я по Тверской —
Известного художника
Зарезать в мастерской.

Сентябрь

Ю. А. Файту

О чем во тьме кричит сова?
Какие у нее слова?
Спроси об этом у совы
На «ты» или на «вы».

Иду дорогой через лес,
Держу ружье наперевес.
Охотник я. Но где же дичь?
Где куропатка или сыч?

Хотя – съедобны ли сычи,
Про то не знают москвичи.

Но я – неважный гастроном,
Давай зальем сыча вином!
Мы славно выпьем под сыча
Зубровки и спотыкача!

Прекрасен ты, осенний лес, —
Какая, к черту, мне охота!
Пересеку наперерез
Твои осенние болота.

Товарищ дал мне сапоги —
Размеры наши совпадают,
Подарок с дружеской ноги
Сейчас в болоте пропадает!

Но притяжение болот
Мы все-таки преодолеем,
Тому надежда и оплот,
Что силу воли мы имеем.

Мы – это я и сапоги,
Подарок с дружеской ноги.

Они ходили с малых лет
Через болота и овраги,
А покупали их в сельмаге,
Для них асфальт – уже паркет.

Люблю я эти сапоги,
Заклеенные аккуратно,

Подарок с дружеской ноги —
Я не верну его обратно.

Уже светлеет. Переход
От тени к свету непонятен,
Число полутонов растет,
А воздух влажен и приятен.
Рога трубят? Рога трубят...

Палуба¹³

На меня надвигается
По реке битый лед,
На реке навигация,
На реке пароход.

Пароход белый-беленький,
Дым над красной трубой,
Мы по палубе бегали —
Целовались с тобой.

Пахнет палуба клевером,
Хорошо, как в лесу,
И бумажка приклеена
У тебя на носу.

Ах ты, палуба, палуба,
Ты меня раскачай,
Ты печаль мою, палуба,
Расколи о причал.

¹³ Песня «Палуба» (стихи Г. Шпаликова, музыка Ю. Левитина) прозвучала в фильме «Коллеги» (1962) и в фильме по сценарию Шпаликова «Трамвай в другие города» (1962; с музыкой Б. Чайковского).

«Все лето плохая погода...»

Все лето плохая погода,
Звучит этот вальс с парохода,
Над пляжем, над шлюзом, над домом
И Тушинским аэродромом.

А в Тушине – лето как лето,
И можно смотреть без билета,
Как прыгают парашютисты —
Воздушных парадов артисты.

То в соснах они пропадают,
То в речку они попадают —
Тогда появляется катер
С хорошим названием «Приятель».

На катере ездят все лето
Спасатели в желтых жилетах,
Спасители душ неразумных,
Раздетых и даже разутых.

Татарово, я не ревную
Ту лодку мою надувную,
То лето, ту осень, те годы,
Те баржи и те пароходы.

Татарово, я не ревную
Погоду твою проливную,
И даже осенние пляжи —
Любимые мною пейзажи.

«Обожал я снегопад...»

Обожал я снегопад,
Разговоры невпопад,
Тары-бары-растабары
И знакомства наугад.

Вот хороший человек,
Я не знаю имя рек,
Но у рек же нет названья —
Их придумал человек.

Нет названья у воды,
Нет названья у беды,
У мостов обвороженных,
Где на лавочках следы.

«Тебе со мною скучно...»

Тебе со мною скучно,
А мне с тобою – нет.
Как человек – ты штучна,
Таких на свете нет.

Вас где-то выпускают
Не более пяти,
Как спутник запускают
В неведомой степи.

«На подоконнике жена...»

На подоконнике жена
Сидела ранним летом,
А комната озарена
Была вечерним светом.

Да, лето только началось,
А к нам вчера приехал гость.
Сегодня он уехал —
И нам оставил эхо.

То эхо – воблы три кило —
Нет громогласней эха!
Еще на улице светло,
И жаль, что он уехал.

«Может, я не доживу...»

Может, я не доживу
До того момента,
Как увижу наяву
Цель эксперимента?

Может, я не дотяну
В будущее ногу,
Мне полеты на Луну
Лично не помогут.

Риторический вопрос
И отчасти глупый:
Для чего я жил и рос?
Не рассмотришь в лупу.

Или, скажем, в телескоп
Из обсерваторий.
Отчего в цвету укроп
И зелено море?

Говорят о чем киты,
Воробьи, синицы?
Отчего мне ты да ты
Продолжаешь сниться?

Отчего ко мне во сне
Города приходят?
Откровение – извне,
На каком же коде, —

Телетайпе, телети, —
Я по ним шатаюсь.
Кто кино про то крутил?
Не таюсь, а таю.

Стихи о выздоровлении

Целебней трав лесных —
А трав настой целебен, —
Пусть входят в ваши сны
Орел и черный лебедь.

Я вам не говорил —
Но к тайнам я причастен, —
Размах орлиных крыл
Прикроет от несчастий.

Я тайны ореол
Отмел своей рукою,
И защитит орел,
И лебедь успокоит.

Невзгод не перечесать,
Но, если что случится,
Запомните, что есть
Еще такая птица —

Не лебедь, не орел,
Не даже дух болотный, —
Но прост его пароль —
Он человек залетный.

Беда ли, ерунда
Взойдет к тебе под крышу,
Ты – свистни, – я тогда,
Ты свистни – я услышу.

«Ах, утону я в Западной Двине...»

Ах, утону я в Западной Двине
Или погибну как-нибудь иначе,
Страна не пожалеет обо мне,
Но обо мне товарищи заплачут.

Они меня на кладбище снесут,
Простят долги и старые обиды,
Я отменяю воинский салют,
Не надо мне гражданской панихиды.

Не будет утром траурных газет,
Подписчики по мне не зарыдают,
Прости-прощай, Центральный Комитет,
Ах, гимна надо мною не сыграют.

Я никогда не ездил на слоне,
Имел в любви большие неудачи,
Страна не пожалеет обо мне,
Но обо мне товарищи заплачут.

«Поэтам следует печаль...»

Поэтам следует печаль,
А жизни следует разлука.
Меня погладит по плечам
Строка твоя рукою друга.

И одиночество войдет
Приемлемым, небезутешным,
Оно как бы полком потешным
Со мной по городу пройдет.

Не говорить по вечерам
О чем-то непервостепенном,
Товарищами хвастать нам,
От суеты уединенным.

Никто из нас не Карамзин,
А был ли он, а было ль это —
Пруды, и девушки вблизи,
И благосклонные поэты.

«Наташа, ты не наша...»

Наташа, ты не наша,
А все равно – моя.
Одна хлебалась каша,
Сидели без рубля.

Да и не в этом дело,
Подумаешь – рубли.
Я так же оробело
Люблю тебя.
Любил.

В Ленинграде

Любимая, все мостовые,
все площади тебе принадлежат,
все милиционеры постовые
у ног твоих, любимая, лежат.

Они лежат цветами голубыми
на городском, на тающем снегу.
Любимая, я никакой любимой
сказать об этом больше не смогу.

«Свадьбы, коим мы не судьи...»

Свадьбы, коим мы не судьи,
Все там если да кабы,
Суета сует и судеб
Или же одной судьбы.

Ссоры, споры, разговоры,
Ложкой вертят ерунду.
Конуры свои и норы
Разделяют по суду.

Вечно только подвенечно,
Если даже нет венца,
Это весело и вечно
Без начала и конца.

«Все неслышней и все бестолковой...»

Все неслышней и все бестолковой
Дни мои потянулись теперь.
Успокойся, а я-то спокоен,
Не пристану к тебе как репей.

Не по мне эта мертвая хватка,
Интересно, а что же по мне?
Что, московская ленинградка,
Посоветуешь поумней?

Забываю тебя, забываю,
Неохота тебя забывать,
И окно к тебе забываю,
А не надо бы забивать.

Все давно происходит помимо,
Неужели и вправду тогда
Чередой ежедневных поминок
Оборачиваются года?

«От мороза проза...»

От мороза проза
холодеет так —
розовая роза,
вскинутый пятак.

Чет – нечет,
а может, черт,
может, все возможно,
если улица течет
у тебя подножно.

Если улицы, мосты,
переулки, лестницы
навсегда в себя вместил —
все во мне поместится.

Все поместится во мне,
все во мне поместится —
о немею – онемел —
переулки, лестницы.

«Цветет себе, не опадая...»

Цветет себе, не опадая,
то дерево среди веков,
где откровенность молодая
и откровенность стариков.

И посторонний человек
сочтет уже за дерзновенность,
и примет он как откровенность
твой черновик и твой побег.

Бежим! Но ловкостию рук
творим иллюзии другие,
как будто нам все недосуг,
зато желания благие.

«По белому снегу...»

По белому снегу
я палкой вожу,
стихи – они с неба,
я – перевожу.

Чего, переводчик,
стемнело к пяти,
и разнорабочим
к пивным подойти?

Он ярок, он желтый
тот свет от пивной,
не жулик, не жлоб ты,
но где-то виной,

среди занавесок,
зеленой травы, —
а желтый – так резок,
и синий – увы.

Вот так бы, казалось,
без всяких увы,
ну самую малость —
остаться живым.

И снег тот февральский,
и свет от пивной
кружили бы в вальсе,
но где-то виной —

стою, понимая
среди света и тьмы,
что около мая
не станет зимы.

То зимним, то летним
прикинется день,
его не заметим
сквозь всю дребедень.

Но только бы – только —
осталось в глазах,
хоть малую толикой...
Гремят тормоза —

трамвай – и вечерний
снежок – или снег?
Наметим, начертим
почти без помех.

«Самолеты как мороженые рыбы...»

Самолеты как мороженые рыбы...
Шереметьево ночное, ты прости —
от полета до полета перерывы
начинают удлиняться и расти.

Улетаю я все реже, и все реже,
Шереметьево, могу я передать
к самолетам удивление и нежность,
удивление возможностью летать.

Зима

Кончится в конце концов
И зима, а хочется
По зиме быть молодцом —
Мне во сне хохочется.

От весны до весны
Вижу я все те же сны,
Я родился жить в апреле,
И дороги до апреля мне ясны.

Ох, зима, ты зима,
Ты меня сведешь с ума —
Деревянные заборы,
Заколочены дома.

– Где твой дом?
– За углом. Да еще базар потом,
Да железная дорога,
Да еще аэродром.

Говорю: отведу
От тебя рукой беду,
Говорю, она не верит,
Говорит: домой пойду.

По снегу, по песку,
В бездомности и дома
Несу твою тоску
По девочке с аэродрома.

В ту зиму

Была бесснежная зима,
Тянуло человека к прозе,
Туда, где комнату снимал,
Гостей нечаянных морозил.

На подоконнике снежок,
Зима, зевота, понедельник,
И на дорогу посошок
Математически разделен.

Прощай. Оденусь потеплей,
Вокруг меня зима большая,
И я надеюсь, что теперь
Уже никто не помешает.

От всех зимой отгородясь,
На прожитье оставив денег,
Надеюсь расписаться всласть,
До одури, до обалдения.

До той зимы, до февраля,
До комнаты и снегопада,
Где танцевалось от нуля,
И танца лучшего не надо.

«В январе уже тепло...»

В январе уже тепло.
И пускай мороз, но солнце
Посылает божий стронций
На оконное стекло.

Прижимаюсь лбом к стеклу,
Рожей радуюсь теплу!

«Незаметен Новый год...»

Незаметен Новый год,
Я люблю его приход.
Середина декабря —
Есть начало января.

Солнце зимнее блестит,
Снег хрустит, солдат грустит,
На заснеженном заборе
Галка черная сидит.

Белый, белый, белый день,
Ты пальто свое надень,
Как: одень или надень —
Мне задумываться лень.

Лень платформ и деревень,
Пива мартовская лень,
Приподнять ресницы лень,
Приподнять и опустить,
Свет вечерний пропустить.

Я хочу узнать давно,
Где стучит веретено,
Где в замерзшее окно
Смотрит девушка давно.

Я живу – который год —
В ожидании погод.
Вот погода – я летаю,
Я по воздуху лечу,
В этом облаке растаю,
Появлюсь, когда хочу.

Ну а вдруг не захочу
Появляться – неохота,
Я по воздуху лечу —
Редкость – летная погода.

«Справляли мы поминки...»

Справляли мы поминки
По выпавшему зубу
Плечистой четвертинкой
У продавщицы Любы.

Нередко и нечасто,
Но выпадают зубы,
Зато они лучатся
У продавщицы Любы.

Ах, Люба, Люба, Люба,
Я рядышком сижу,
Но все равно я убыль,
А на тебя гляжу.

Ты золотоволосая,
Голубоглаза ты,
А я сижу матросом
С понятием простым.

Мне нравится тут очень
И неохота очень
Отсюда уходить.

Снег в апреле

И я вступаю, как во сне,
в летящий на закате снег.

Уже весна. Летит прощально
над миром света пелена.
Любимая удивлена,
по телефону сообщая,
что выпал снег.

Как описать его паденье?
Замедленный его полет?
Да, снег идет не в наступленье,
он отступает, но идет.

Летит он, тихий, ненахальный,
иной у снега цели нет —
чтобы рукою помахали
ему, летящему, вослед.

«В лето хорошо бы без билета...»

В лето хорошо бы без билета.
В лето? У него куда билет?
У него трава – одна примета,
Да еще река. Поклон, привет!

А река такая золотая,
А весной такой на свете дождь,
И по свету ветер пролетает,
И обратно ветер не вернешь.

И реке спасибо, и тебе спасибо,
И тебе спасибо, ветер над водой,
Ты такой веселый, ты такой красивый,
Ветер, ветер, ветер,
Ветер молодой.

«Под ветром сосны хорошо шумят...»

*Инне*¹⁴

Под ветром сосны хорошо шумят,
Светает рано. Ты не просыпайся,
Ко мне плечом горячим прикасайся,
Твой сон качают сосны и хранят.

Тебя держу, тебя во сне несу
И слышу – дятел дерево колотит,
Сегодня воскресение в лесу,
На даче, на шоссе и на болоте.

Покой еще не начатого дня,
Неясные предметов очертанья.
Я думаю, как ты вошла в меня,
В мои дела, заботы и сознание.

Уходят в будни наши торжества,
Но по утрам хочу я просыпаться,
Искать слова и забывать слова,
Надеяться, любить, повиноваться.

¹⁴ *Инна Иосифовна Гулая* (1940–1990) – актриса театра и кино, известна по роли в фильме Л. Кулиджанова «Когда деревья были большими»; в 1962–1974 годах была женой Г. Шпаликова.

«Понедельник, понедельник...»

Понедельник, понедельник,
Понедельник дорогой,
Ты пошли мне, понедельник,
Непогоду и покой.

Чтобы роща осыпалась,
Холодея на ветру,
И спала не просыпалась
Дорогая поутру.

Сон

Там, за рекою,
Там, за голубою,
Может, за Окою,
Дерево рябое.

И вода рябая,
Желтая вода,
Еле выгребая,
Я по ней гребу.

Дерево рябое
На том берегу.

Белая вода —
Ты не море,
Горе – не беда,
Просто горе.

Бессонница

Бессонница – бываешь ты рекой,
Болотом, озером и свыше наказаньем.
И иногда бываешь никакой,
Никем, ничем, без роду и названья.

Насмешливо за шиворот берешь,
Осудишь, в полночь одного посадишь,
Насмешливо весь мир перевернешь —
И шпоры всадишь.

Бессонница... Ты девочка какая?
А может быть, ты рыба? Скажем, язь?
А может быть, ты девочка нагая,
Которая приходит не спросясь?

Она меня не слушала,
А только кашу кушала
И думала: прибрать бы,
А может, постирать?
А может, вроде свадьбы
Чего-нибудь сыграть?

Чего-то вроде, около
Кружилось в голове,
Оно болотом скокало,
То справа, то левей.

Я говорю: не уходи,
Ночь занимается,
Ночь впереди и позади,
Лежать и маяться.

А ей-то, господи, куда?
Мороз, пороша...
Беда с бессонницей. Беда.
Со мною тоже.

«Не насовсем прощались...»

Не насовсем прощались,
А так, до неких пор,
Забытыми вещами
Завален летний двор.

Кому и чем обязан —
Трава узнает пусть.
Я разберусь не сразу,
Я после разберусь.

Так бесконечно лето
У нас над головой,
И хорошо бы это
Позаросло травой.

Вчерашние обиды,
Упреки впопыхах
В крапиве позабыты
И тонут в лопухах.

Песенка

1

Жила с сумасшедшим поэтом,
Отпитым давно и отпетым.
И то никого не касалось,
Что девочке горем казалось.

О нежная та безнадежность,
Когда все так просто и сложно,
Когда за самой простотою —
Несчастья верста за верстою.

Несчастья? Какие несчастья —
То было обычное счастье.
Но счастье и тем непривычно,
Что выглядит очень обычно.

2

И рвано, и полуголодно,
И солнечно или холодно,
Когда разрывалось на части
То самое славное счастье.
То самое славное время,
Когда мы не с теми – а с теми,
Когда по дороге потерей
Еще потеряться не верим.

А кто потерялся – им легче, —
Они все далече, далече.

«Моя веселость неуместна...»

Моя веселость неуместна,
Но все на самом деле так, —
Я узнаю свободно местность,
Где шаг за шагом – Пастернак.

Совпали зимние закаты,
Полями девушек следы,
«...Они их валенками вмяты
От слободы до слободы».

И улыбаюсь я невзросло,
А потому что за ручьем
На самом деле эти сосны
И я ладонью перечел.

Садовое кольцо

Я вижу вас, я помню вас
И эту улицу ночную,
Когда повсюду свет погас,
А я по городу кочую.

Прощай, Садовое кольцо,
Я опускаюсь, опускаюсь
И на высокое крыльцо
Чужого дома поднимаюсь.

Чужие люди отворят
Чужие двери с недоверьем,
А мы отрежем и отмерим
И каждый вздох, и чуждый взгляд.

Прощай, Садовое кольцо,
Товарища родные плечи,
Я вижу строгое лицо,
Я слышу правильные речи.

А мы ни в чем не виноваты,
Мы постучались ночью к вам,
Как те бездомные солдаты,
Что ищут крова по дворам.

«Не принимай во мне участия...»

Не принимай во мне участия
И не обманывай жильем,
Поскольку улица отчасти
Одна – спасение мое.

Я разучил ее течение,
Одoleвая, обомлел,
Возможно, лучшего леченья
И не бывает на земле.

Пустые улицы раскручивал
Один или рука к руке,
Но ничего не помню лучшего
Ночного выхода к реке,

Когда в заброшенном проезде
Открылись вместо тупика
Большие зимние созвездья
И незамерзшая река.

Все было празднично и тихо
И в небесах, и на воде.
Я днем искал подобный выход
И не нашел его нигде.

«В темноте кто-то ломом колотит...»

В темноте кто-то ломом колотит
И лопатой стучится об лед,
И зима проступает во плоти,
И трамвай мимо рынка идет.

Безусловно все то, что условно.
Это утро твое, немота,
Слава богу, что жизнь многословна,
Так живи, не жалея живота.

Я тебя в этой жизни жалею,
Умоляю тебя, не грусти.
В тополя бы, в июнь бы, в аллею,
По которой брести да брести.

Мне б до лета рукой дотянуться,
А другою рукой – до тебя,
А потом в эту зиму вернуться,
Одному, ни о ком не скорбя.

Вот миную Даниловский рынок,
Захочу – возле рынка сойду,
Мимо крынок, корзин и картинок
У девчонки в капустном ряду

Я спрошу помидор на закуску,
Пошагаю по снегу к пивной.
Это грустно, по-моему, вкусно,
Не мечтаю о жизни иной.

«Ах, улицы, единственный приют...»

Ах, улицы, единственный приют
Не для бездомных – для живущих в городе.
Мне улицы покоя не дают,
Они мои товарищи и враги.

Мне кажется – не я по ним иду,
А, подчиняясь, двигаю ногами,
А улицы ведут меня, ведут
По заданной единожды программе,

Программе переулков дорогих,
Намерений веселых и благих.

«Я сетую. На что я сетую...»

Я сетую. На что я сетую?
Я просто так с тобой беседую,
И мне с тобой легко.
Печаль твою не унаследую,
Я – далеко.

Мы на луне? Да, на луне.
Во всяком случае – извне
Причин и следствий, чтоб грустить,
Свои сто грамм не пропустить.

И жизнь не пишется с листа.
Она – такая простота,
Что заблудиться проще,
И от рожденья до креста —
Как в роще.

Я б эту рощу описал,
Но это – скучно.
Висит у девочки коса
Благополучно.

«Ничего не получалось...»

В. П. Н.¹⁵

Ничего не получалось —
Я про это точно знал,
Что всегда доступна частность
И неведом идеал.

Я его однажды видел —
Не во сне, а наяву —
Появился в лучшем виде,
Повалился на траву.

Мы во Внуково лежали,
Отменялся самолет.
Ничего уже не жаль мне,
Жалко вот —

Жаль мне только, жалко только —
И тогда, да и теперь, —
Ничего не знаю толком
О тебе и о себе.

¹⁵ *Виктор Платонович Некрасов* (1911–1987) – русский советский и французский писатель, диссидент и эмигрант, лауреат Сталинской премии второй степени (1947). По словам Н. Рязанцевой, Некрасов и Шпаликов познакомились у П. Финна и, несмотря на разницу в возрасте, подружились. Некрасов оставил трогательный очерк, посвященный 10-летию со дня смерти Геннадия Шпаликова (он был опубликован в журнале «Знамя», 1990).

«Чего ты снишься каждый день...»

В. П. Некрасову

Чего ты снишься каждый день,
Зачем ты душу мне тревожишь?
Мой самый близкий из людей,
Обнять которого не можешь.

Зачем приходишь по ночам
Распахнутый, с веселой челкой,
Чтоб просыпался и кричал,
Как будто виноват я в чем-то?

И без тебя повалит снег,
А мне все Киев будет сниться.
Ты приходи, хотя б во сне,
Через границы, за границы.

«Людей теряют только раз...»

Людей теряют только раз
И, след теряя, не находят,
А человек гостит у вас,
Прощается и в ночь уходит.

А если он уходит днем,
Он все равно от вас уходит.
Давай сейчас его вернем,
Пока он площадь переходит.

Немедленно его вернем,
Поговорим и стол накроем,
Весь дом вверх дном перевернем
И праздник для него устроим.

Стихи к 8 марта

*С. Л. Швейцер¹⁶ с нежностью и уважением
Г. Шпаликов 8 марта 65-го*

В Керчи – как ни кричи,
Бывали неудачи.
Среди других причин
Был мой приезд – тем паче
Что мой приезд совпал с делами —
 Не хотелось!
Я невпопад попал,
Не пилось мне, не елось.
И мы не собрались
В кругу, хотя бы узком,
По рынкам разбрелись,
По площадям и спускам.
От пропасти забот
Куда бы нам укрыться?
Скользнуть от дел за борт —
Пусть щелкают нас блицем.
Пусть выставляют нас
Лентяями – валяйте!
На зависть, напоказ
Пороками марайте.
Представим: мы встаем
За полдень. Небо ясно.
И руку подаем
Всему, что в мире праздно.
Среди забот и тьмы,
Сквозь горе и разлуку
Протягиваем мы
Веселью только руку.
Берем такой почин
И лучшую из истин:
Есть дружба без причин,
Без меры и корысти.
Иное все – тщета,
Иное – распростерто,
Иного – до черта
От ведьмы и до чёрта.
И жить с иным – не жить,
Хотя живем и можем
И пробуем служить,
Но что мы подытожим?

¹⁶ София Абрамовна Милькина-Швейцер (1922–1997) – режиссер, сценарист, жена режиссера Михаила Швейцера.

От главка до премьер
Большое расстояние,
И есть тому пример,
Примеры и сказанья
О том, что мы тогда
И были молодцами,
Но жаль, но вот беда —
Запутались с отцами.
А наш отец – простор,
Дороги – наши сестры,
Над озером костер —
Все это очень просто.
И рядышком лежит —
Рукою не достанешь,
А тронешь – убежит,
И трогать перестанешь.
И тоненький ледок,
И беленький снежок —
Назад к тому дорогу
Не захотел – а сжег.
Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло,
Чтобы не напрасно —
Высоко и красно!

«Стихи – какие там стихи...»

Стихи – какие там стихи?
Обыденность, я захлебнулся.
Как вечера мои тихи,
Я в дом родной издалика вернулся.

Мой дом родной – и не родной,
Родные, вы не обижайтесь
И не расспрашивать старайтесь,
Не вы, не вы тому виной.

Мой дом родной – и не родной,
Я узнаю твои приметы,
Опять встают передо мной
Твои заботы и предметы.

Я разговоры узнаю
И слушаю – не удивляюсь
И хоть душою удаляюсь
В квартиру старую мою.

Она была нехороша,
В ней странно все перемешалось.
Она подобьем шалаша
В дому арбатском возвышалась.

Мы жили в этом шалаше —
Сначала вроде странно жили,
Хотя поссорились уже,
Но все-таки еще дружили.

Вся неумелость этих лет
И неустроенность уклада —
.....
За то благодарить не надо...

И жизнь поэта тяжела
И прозаична до предела,
И мечешься как обалделый
Чредою лет – одни дела.

«За стеною, на баяне...»

За стеною, на баяне —
«Степь да степь кругом...».
Что тоскуешь, окаянный,
И о ком?

За стеною пальцы бродят
Не наверняка,
По слогам выходит вроде
Песня ямщика.

Только я глаза закрою —
Степь кругом да степь.
Если петь дано по крови,
Я сумею спеть.

Долги

Живу веселым, то печальным
В квартале экспериментальном.
Горжусь я тем, что наши власти
На мне испытывают пластик.

А больше мне гордиться нечем,
Да я ничем и не горжусь —
Ем по утрам с картошкой лечо,
Вспоминаю и тружусь.

Труды приносят мне долги,
Отдохновенья не приносят.
Долги построились в полки,
Приказа ждут и крови просят.

Я к ним покорно выхожу
И руки кверху поднимаю,
Я их прекрасно понимаю,
Но выхода не нахожу.

Я говорю им – до утра,
Ну что вам стоит, подождите,
А утром я скажу – простите,
Я вас обманывал вчера.

Три посвящения Пушкину

1

Люблю державинские оды,
Сквозь трудный стих
Блеснет строка,
Как дева юная легка,
Полна отваги и свободы.
Как блеск звезды,
Как дым костра,
Вошла ты в русский стих беспечно,
Шутя, играя и навечно,
О легкость, мудрости сестра.

2

Влетел на свет осенний жук,
В стекло ударился, как птица.
Да здравствуют дома, где нас сегодня ждут!
Я счастлив собираться, торопиться.
Там на столе грибы и пироги,
Серебряные рюмки и настойки,
Ударит час, и трезвости враги
Придут сюда для дружеской попойки.
Редет круг друзей, но – позови,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.